

Великий художник слова

Приближается столетие со дня смерти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, гениальные произведения которого составили, по словам Белинского, «эпоху и в летописях литературы, и в летописях развития общественного сознания».

В «Авторской исповеди» Гоголь, рассказывая о своем писательском пути, говорит, что первым его наставником и учителем был Пушкин. Как писатель Гоголь вырос на глазах у Пушкина, который внимательно следил за развитием его дарования. С уверенностью можно сказать, что необычайная быстрота, с какой созрело и мощно развернулось дарование Гоголя была обусловлена творческим союзом с великим поэтом.

Сближение их началось как раз в то время, когда Пушкин готовился к выпуску в свет «Повести Белкина» и создавал на основе народной поэзии свои сказки. Борьба за национальную, независимую от чужеземных влияний литературу стояла в центре внимания зрелого Пушкина. Юному Гоголю эта задача также представлялась первостепенно важной. Начало тридцатых годов он назвал в одной из первых своих статей временем «стремления к самобытности и собственной народной поэзии».

Гоголь, только что вступивший в литературный круг, сразу оценил величие дела, совершавшегося в ту эпоху Пушкиным. В одном из писем 1831 года он уподоблял поэта зодчему, усилиями которого «теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии».

Именно в плане борьбы за самобытность русской литературы воспринял и Пушкин с самого начала литературную деятельность Гоголя. Первая книга Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», открывшая перед читателями новый мир — мир народной жизни, изумила Пушкина. В своем отзыве о «Вечерах на хуторе» он противопоставил их потоку салонной литературы, обычно или переводной или подражательной. — «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами, какая поэзия, какая чувствительность!»

Так встретил Пушкин дебют Гоголя. И в дальнейшем, с конца 1832 года литературные отношения их становятся особенно близкими. Гоголь посвящает Пушкина в свои литературные планы, представляет ему на суд свои произведения, постоянно просит давать критические указания.

«Отрадно вспомнить, — пишет Чернышевский, — что первый оценил Гоголя, первый заговорил о нем печатно тот самый человек, который до Гоголя был величайшим из наших писателей. Радужным приветом встретил, благоволением своим напутствовал Пушкин одинокого двадцатилетнего юношу, который сделался преемником его славы».

Литературная известность Гоголя началась с выхода «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Эта книга сразу выдвинула его в первый ряд писателей того времени. Она была посвящена поэтическому изображению родной Украины. Поэтические образы книги, выросшие на почве украинских народных сказок, песен и преданий, пленили читателей. «Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простодушных обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах Гоголя...», — писал Белинский.

Гоголю было всего 26 лет, когда великий критик назвал его только что вышедшие книги «Арабески» и «Миргород» «самым необыкновенным явлением в нашей литературе», а их автора «главою литературы», «певцом жизни действительной».

Духовные интересы Гоголя отличались исключительной разносторонностью. Не замыкаясь в рамки художественного творчества, он выступал и как критик, и как историк, и как теоретик литературы. В своих замечательных критических статьях писатель-патриот выразил заветные мысли о самобытности русской литературы, о будущем мировом значении ее, или, говоря словами самого Гоголя, о «будущем законодательстве России в литературном мире», о народности и реализме, присущие ее лучшим представителям, о русском национальном театре, о гражданском призвании

писателя и его моральной ответственности перед родиной, перед современниками и потомством.

Патриотизм Гоголя, его неиссякаемая любовь к народному творчеству, проникновенное понимание героического прошлого родной страны, глубоко демократическое восприятие окружающей жизни и сердечное участие к судьбе маленького человека, все это нашло яркое отражение в последовавшей за «Вечерами на хуторе» книге повестей Гоголя «Миргород» (1835).

В исторической повести «Тарас Бульба», вошедшей в эту книгу, показана героическая борьба запорожского казачества против чужеземных поработителей. Эту повесть, проникнутую глубокой и горячей любовью к родине, Белинский назвал «огромной картиной, достойной Гомера».

Кто из советских людей в годы недавней Великой Отечественной войны не повторял с волнением и гордостью слова из этой повести: «Разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!».

В цикле петербургских повестей Гоголь создал типы мелких столичных чиновников, угнетенных и бесправных разночинцев, развернув широкую картину страшной жизни капиталистического города, в котором «кроме фонаря все дышит обманом». Протестом против порабощения и унижения человека насыщены петербургские повести Гоголя: «Шинель», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего».

Вершинами творчества Гоголя являются комедия «Ревизор» (1835) и поэма «Мертвые души» (1842). Дореформенная Россия с насилием, произволом, казнокрадством и лихоимством административного аппарата беспощадно осуждена в «Ревизоре» бичующей сатирой. Постановка комедии на сцене всколыхнула косные формы всей бюрократической системы самодержавно-крепостнической России. «В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я знал... и за одним разом помяться над всем», — объяснял сам Гоголь замысел своей комедии.

У Гоголя, по меткому определению Герцена, было два самых заклятых врага —

чиновник-бюрократ и помещик. Первого он казнил в «Ревизоре», проникая «в самые сокровенные складки нечистой, злобной чиновничьей души», второго — в «Мертвых душах».

Широкая картина, развернутая в поэме, показывает Россию эпохи Николая I.

В образах помещиков с их духовным оскудением, бескультурьем, паразитарным существованием Гоголь с необыкновенной глубиной и яркостью показал в «Мертвых душах» распад феодального уклада русской жизни. Поистине бессмертна созданная Гоголем галерея типов в его поэме: праздный и сладкий мечтатель Манилов, неукротимый враль и хвастун Поздрев, кулак и эксплуататор Собакевич, бережливая, туловатая Коробочка, — сколько в них «пошлости пошлого человека». И на низшей ступени этой лестницы — феноменальный скряга Плюшкин, завершающий собою страшную картину духовного оскудения крепостников. Главный герой поэмы Чичиков — приобретатель, охваченный безудержной жадной наживы, доводящей его до страшного морального и социального падения, стоит в центре галереи нравственных уродов, запечатленных на страницах «Мертвых душ».

«Подобное обвинение необходимо было современной России, — писал Герцен, — это история болезни, писанная мастерской рукой». Но этот горький упрек, обращенный к помещичьей России, передовые мыслители ее не считали «безнадежным». И в этом творении, по словам Герцена, видна была «полная силы национальность».

Гоголь знал, что силы народа, хотя и задушены, но не уничтожены. Беспощадно бичуя помещичье-чиновную Россию, писатель верил в великое будущее родной страны и своего народа.

Нерасторжимая связь с родной страной и предчувствие ее великого будущего продиктовали Гоголю заключительные строки первого тома «Мертвых душ», где он сравнивает Русь с необгонимой тройкой: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косаясь посто-раниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Действительная сила созданных Гоголем произведений была настолько велика, что они стали оружием русской революционно-

демократической критики в ее борьбе с самодержавно-крепостническим строем. Этому способствовали необыкновенно богатый художнический инстинкт Гоголя, его верность важнейшим принципам искусства — идейности, реализму и народности в сочетании с тончайшим мастерством изображения.

Творчество Гоголя, открывшее в гнетущие годы царствования Николая I новый период в нашей словесности, названный Чернышевским «гоголевским», направил русскую литературу на путь критического реализма, навсегда утвердив за нею значение острейшего оружия в общественно-политической борьбе.

В 40—50-х годах гоголевская школа получила решительное влияние на ход развития отечественной литературы. Роман Герцена «Что виноват?», первые рассказы из «Записок охотника» Тургенева, «Обыкновенная история» Гончарова, рассказы и очерки Салтыкова-Щедрина явились продолжением замечательных гоголевских традиций.

Великий украинский народный поэт Тарас Шевченко на примере «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина удивительно удачно охарактеризовал неразрывную преемственную идейную связь писателей гоголевской школы с творчеством ее родоначальника. Он писал в своем дневнике 5-го сентября 1857 года: «Как хороши «Губернские очерки»... Салтыкова. Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радость возродилась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опасную чернь! За этого поруганного, бессловесного смерда!».

Благотворное влияние Гоголя сказалось не только на развитии русского социального романа и повести, но и на развитии русской драматургии. Своими бессмертными драматическими произведениями автор «Ревизора» и «Женитьбы» подготовил почву для расцвета русской драматургии, которая в лице Островского завоевала всемирное признание.

Белинский в своих статьях и письмах широко пользовался образами гоголевских героев. Он узнавал их «в другом кафтане». «Некоторые герои иностранных романов, — писал он, — те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и

Англии они не скупают мертвых душ, а покупают живые души на свободных парламентских выборах».

Чернышевский, характеризуя писания буржуазных европейских журналистов, говорил, что «пишутся они отчасти французскими Маниловыми, отчасти французскими Чичиковыми, потому что во Франции, как и всюду есть свои Маниловы и Чичиковы».

В. И. Ленин назвал Гоголя писателем, идеи которого дороги «всякому порядочному человеку на Руси». Эти слова — признание огромного революционного значения творчества великого сатирика.

К гоголевским образам обращался в своих выступлениях И. В. Сталин. Когда зарубежные буржуазные критики восприняли проект Конституции СССР, как «сдвиг вправо», товарищ Сталин в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов использовал образы Гоголя. Говоря об этих критиках, товарищ Сталин сказал, что они, «несмотря на всю их амбицию, все же недалеко ушли от уровня понимания Пелагеи, дворовой «девочки» из «Мертвых душ». Если вспомните, кучер Селифан счел нужным отчитать Пелагею за смешение правого с левым, сказав ей: «Эх ты, черноногая... не знаешь, где право, где лево». Мне кажется, что следовало бы так же отчитать наших незадачливых критиков, сказав им: «Эх вы, горе-критики... не знаете, где право, где лево». В «Речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 11 декабря 1937 года» товарищ Сталин, высмеивая людей «неопределенного типа», «политических обывателей», напомнил слова, которые «метко сказал великий русский писатель Гоголь»: «Люди, говорит, неопределенные, ни то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан».

В Советской стране живет память о Гоголе, гениальные творения которого сыграли огромную роль в освободительном движении русского народа. Мы чтим в Гоголе «одного из благороднейших сынов России», заслуги которого перед родиной безмерны.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ.

5 FEB. 1952

Советская литература